

УДК 821.133.1-94+929[Мазарини+Манчини]

ОБРАЗ КАРДИНАЛА МАЗАРИНИ В МЕМУАРАХ СЕСТЁР МАНЧИНИ

С.Ю. Павлова

Аннотация

Статья посвящена мемуарам сестёр Манчини, племянниц кардинала Мазарини. Образ кардинала анализируется с учётом социального положения мемуаристок, авторской интенции, повествовательных приёмов, позволяющих выявить сходства и различия в его интерпретации. Играя важную роль в мемуарах обеих сестёр, образ Мазарини приобретает негативную окраску в книге Гортензии, тогда как Мария его возвеличивает.

Ключевые слова: мемуары, французская литература XVII века, авторская интенция, Мария Манчини, Гортензия Манчини.

Мемуары сестёр Манчини представляют собой яркую страницу в истории французской прозы второй половины XVII века, отличавшейся интенсивным развитием документально-художественных жанров. Эти произведения стали неотъемлемой частью блестящего мемуарного наследия эпохи. Благодаря светскому характеру содержания, своеобразной повествовательной манере, наконец, личностям самих авторов, они продолжают вызывать интерес у читателей и исследователей.

Судьбу Марии (Marie Mancini, 1640–1715) и Гортензии Манчини (Hortense Mancini, 1646–1699) во многом предопределило их близкое родство с могущественным французским кардиналом итальянского происхождения Жюлем Мазарини (Jules Mazarin, 1602–1661). Старшая из девушек была третьей, а младшая четвертой из пяти дочерей Иеронимы (Hieronyma Mazarin, 1614–1656, в замужестве Манчини), родной сестры кардинала. История этой семьи, по всей видимости, была «последней волной бури итальянизма, которая потрясала политику, искусства, нравы Франции в течение двух столетий» [1, р. 9]. Мазарини, чья биография служит ярким примером удивительных поворотов судьбы, оставил в наследство племянницам «способность наслаждаться жизнью посреди порождённых ею драм, дар превращать жизнь в вихревой поток, и в любых перевоплощениях никогда не забывать, что их авантюрный жизненный путь имеет удивительное начало» [1, р. 15].

Происхождение фамилии матери Марии и Гортензии связывается с именем Пьетро Мазарини, камергера итальянской патрицианской семьи Колонна. По линии отца их родословная имеет более древние корни и восходит к старинному римскому роду, упоминание о котором встречается в городских реестрах уже в конце XIV века. Хотя знатное происхождение семьи определялось принад-

лежностью к роду Манчини, славу и богатство ей принесла фамилия Мазарини. Блестящая карьера Жюля Мазарини, ставшая возможной благодаря его исключительным способностям, позволила ему не только самому сыграть важную роль во французской истории середины XVII века, но и сделать её приметными фигурами своих родственников. Как известно, он принимал активное участие в судьбе племянниц. Последовательно приобщая их к нравам французского двора и давая соответствующее представительницам высшего света воспитание, он для каждой из девушек устроил брачные партии, позволившие им оказаться в числе самых знатных и состоятельных дам Европы. В этой связи показательно название книги графа Суассонского «Семь богатейших наследниц Франции», рассказывающей о судьбах всех племянниц кардинала, которые стали супругами высокородных аристократов и даже имели любовные связи с монаршими особами.

В этой «великолепной семёрке» Мария и Гортензия Манчини занимают особое место, поскольку оставили свой след не только в истории Франции, но и в истории её литературы. В 1675 году в Кёльне были опубликованы «Мемуары» Гортензии Манчини, написанные в том же году в Шамбери (Савойя). «Мемуары» Марии вышли в свет в Лейдене (Голландия) три года спустя, в 1678, а создавались на протяжении 1677 года.

Особое место этих сочинений во французской мемуаристике XVII века определяется тем, что они были опубликованы при жизни авторов и стали известны современникам. Значительная часть произведений той эпохи, составивших впоследствии «золотой фонд» французской литературы, увидела свет только в следующем столетии, а то и по прошествии нескольких веков с момента написания. Это справедливо в отношении таких признанных шедевров, как мемуары кардинала де Реца (публ. 1717) или Мадемуазель де Монпансье (публ. 1718), а также менее известных, но весьма показательных для истории развития мемуарного жанра сочинений аббата Арно (публ. 1756), Анри де Кампиона (публ. 1806), Никола Гула (публ. 1879) и других.

Всплеск мемуаротворчества во Франции пришёлся на вторую половину XVII столетия и был во многом спровоцирован событиями Фронды. После её поражения знатные аристократы, выступавшие против короля и кардинала Мазарини, оказались в немилости и были сосланы подальше от королевского двора. Находясь в изгнании, они использовали свободное время, чтобы изложить свою версию произошедших событий и реабилитироваться в глазах монарха. Сама ситуация изгнания стала своего рода исходной предпосылкой для создания мемуаров, а обилие произведений этого жанра – подтверждением того, что для представителей знати письменное высказывание, имитирующее привычные способы каждодневной коммуникации, стало своеобразной компенсацией утраченных возможностей светского общения.

Сестры Манчини прибыли ко двору французского короля Людовика XIV уже после окончания Фронды, но в силу причин глубоко личного характера также оказались в изгнании. Гортензия писала свою книгу, находясь в доме и под покровительством герцога Савойского, Мария на момент создания мемуаров пребывала в Мадриде. Судьбы сестёр сложились так, что они обе были вынуждены сбежать из дома, нарушив общепринятые нормы поведения, согласно которым замужняя женщина во всём подчиняется мужу, а затем скитаться

в поисках спокойного прибежища и надёжной защиты от преследований. Рассказывая о своей жизни, Манчини закономерно уделяют основное внимание событиям, связанным с внутрисемейными конфликтами. Они стремятся объяснить причины своих действий и изобразить то печальное положение, в котором оказались на момент создания мемуаров. Судьба женщины, несправедливо преследуемой мужем, становится центральной темой произведений сестёр и определяет их ключевые образы. Среди таковых образ мужа как главного виновника несчастий, короля Людовика IV, гаранта высшей справедливости, и кардинала Мазарини, могущественного родственника, по воле которого были заключены браки племянниц.

Образ кардинала доминирует в той части мемуарного повествования, которая охватывает детские годы сестёр. Этот период начинается с момента их приезда во Францию и длится до замужества, «эквивалентного моменту выбора карьеры в мужских мемуарах» [2, р. 413] и совпавшего по времени с годом смерти дяди-кардинала. Гортензия Манчини, в замужестве герцогиня Мазарини, начинает свой рассказ с характерной для жанра отсылки к семейной генеалогии, но при этом руководствуется отличными от других мемуаристов мотивами. Она не стремится восстановить историю предков и персонально упоминает только двоих: безымянного родственника, стоявшего у истоков Академии, и отца, прославившегося своими добродетелями и необычайными познаниями. Герцогине важно подчеркнуть сам факт принадлежности к солидной и уважаемой семье. Краткость сообщаемых ею сведений и присутствующее в тексте авторское пояснение позволяют заключить, что Гортензия обращается к генеалогии не столько в силу традиции, сколько по причине злословия «мазаринад», популярных в период Фронды памфлетов и сатирических стихов о кардинале, бросавших тень на всю его семью, начиная с отца, презрительно прозванного шляпником. По сути, экскурс в семейную генеалогию замещается обобщающей фразой: «я принадлежу к одной из самых старинных семей Рима, где мои предки уже более трехсот лет занимают настолько значительное положение, что я могла бы счастливо провести свои дни, даже если бы не была наследницей первого министра Франции»¹ (МН, р. 32). Обращаясь к прошлому, герцогиня противопоставляет кардиналу всю остальную семью, в том числе и себя. Такая позиция служит косвенным выражением мысли о том, что жизнь мемуаристки могла бы сложиться иначе, не будь она племянницей Мазарини.

Зачин мемуаров Марии Манчини, в замужестве госпожи Колонна, во многом напоминает начало книги её сестры. Мария также не углубляется в семейную генеалогию, а только указывает на знатность своего происхождения и в первом же предложении делает акцент на том, что слава её рода, «и без блестящей судьбы кардинала Мазарини... продолжила бы сверкать» среди других семей Рима (ММ, р. 97). Показательно, что обе женщины первым делом дистанцируются от Мазарини, что указывает на особую важность его фигуры в процессе личностной самоидентификации мемуаристок. Осознавая, что в глазах света их положение накрепко связано с именем кардинала, они стремятся скорректировать это восприятие. Сёстры как бы дают понять возможным завистникам,

¹ Здесь и далее цитаты из мемуаров сестёр Манчини приводятся в переводе автора статьи.

острословам и недоброжелателям, что принадлежат к уважаемой и благородной семье, не ответственной за деяния Мазарини.

И всё же образ кардинала постоянно находится в фокусе внимания повествовательниц. Гортензия Манчини дважды цитирует его слова, перечисляет реакции и поступки (возмущение по поводу отказа маркиза де Ламейере жениться на Марии, недовольство недостаточным религиозным рвением сестёр, нервозность по поводу взаимной страсти короля и Марии, шаги по устройству монаршего брака с испанской инфантой и т. д.). Будучи наиболее щедро одарённой из его наследниц, герцогиня считает необходимым пояснить причину такого положения вещей: «Хотя я, как и другие, подвергалась его упрёкам, всё же то ли из-за того, что я была самой молодой и по этой причине в его глазах менее достойной порицания, то ли в моём нраве было что-то такое, что ему нравилось, но он долгое время испытывал ко мне столько же нежности, сколько неприязни к остальным. Это побудило его выбрать меня в качестве наследницы своего состояния и имени, должного перейти к мужу, которого он мне даст; это заставило его более тщательно следить за моим поведением, чем за поведением других, но также в конечном итоге быть более недовольным» (МН, р. 37–38).

Не скрывая особой симпатии к себе со стороны кардинала, Гортензия не гордится этим, а, напротив, сожалеет о таком избранничестве: «он оставил меня самой богатой наследницей и самой несчастной женщиной христианского мира» (МН, р. 40). Личное счастье оказывается для неё важнее материальных благ. Высказанная мемуаристкой мысль предвосхищает последующие события, описанные в книге. Мемуары изобилуют примерами недостойного поведения мужа, семейных ссор и скандалов, вылившихся в конечном итоге в судебное разбирательство в парламенте. Считая свой брак результатом сделки с кардиналом, Гортензия с самого начала повествования не устаёт сетовать на судьбу и не скрывает негативного отношения к Мазарини.

В тексте «Мемуаров» это неприятие наиболее выразительно раскрывает злорадно-ироничная фраза, которую хором произнесли сестры Манчини в ответ на известие о смерти дяди: «Слава Богу, он околел!» (МН, р. 40). Использование глагола «околеть», по смыслу связанного с животным миром, снижает образ кардинала. Вкупе с апелляцией к высшим силам и экспрессивной формой выражения эти слова подчёркивают отрицательное, переходящее в физическое отвращение отношение к Мазарини, справедливость постигшей его кары и нескрываемую радость по поводу его кончины. Однако Гортензия не ограничивается передачей эмоциональной реакции, а объясняет свою позицию более развёрнуто, давая оценку всей жизни дяди: «Сказать по правде, я совсем не была огорчена; и это примечательно, что человек такого достоинства, столько трудившийся всю свою жизнь, для того чтобы возвысить и обогатить свою семью, получал только знаки неприязни даже после своей смерти. Если бы вы знали, с какой суровостью он всегда обходился с нами, вы были бы менее удивлены. Никогда ни один человек не обладал манерами столь мягкими в обществе и столь жёсткими дома; наши нравы и наши склонности совершенно не совпадали с его собственными. Добавьте к этому невероятную зависимость, в которой он нас держал, нашу юность, бесчувственность ко всему, которой чрезмерное довольство и процветание обычно отмечают людей такого возраста» (МН, р. 40). Характеристика

кардинала свидетельствует о его противоречивом поведении и неоднозначном характере, что соответствует жизненным реалиям. Однако Гортензия не ставит своей задачей дать развёрнутый портрет дяди, а фиксирует лишь те черты, которые объясняют её ненависть к кардиналу. Она пытается оправдать свои чувства, но не смягчает их. Напротив, её прямота и ирония ещё больше усиливают отрицательную наполненность образа Мазарини.

Смерть кардинала и организованное во многом благодаря его усилиям замужество Гортензии положили начало новому, драматическому этапу в её судьбе. На фоне господина Мазарини, мужа мемуаристки, образ дяди корректируется и даже однажды выступает своего рода положительным примером. Рассказывая о непомерном мотовстве супруга, мемуаристка сообщает, как из дома ежедневно исчезали огромные суммы, мебель, драгоценности – всё то, что принадлежало роду и было накоплено благодаря усилиям кардинала. По сравнению с ним, жестоким, но неизменно радевшим о семейном благе, муж герцогини выглядит ещё более отталкивающим. Это осознание заставляет Гортензию не только обвинять в своих несчастьях дядю, но и испытать чувство собственной вины за недостойное поведение: «фортуна позаботилась о том, чтобы наказать меня за мою неблагодарность, поскольку моя жизнь после этой смерти превратилась в нескончаемую череду несчастий» (МН, р. 40). Эти слова отражают не воспоминание о пережитых когда-то эмоциях, а точку зрения повествовательницы, осмысляющей свою жизнь с позиции времени. Добавим, что сказанное в мемуарах о кардинале Мазарини не в меньшей степени характеризует и саму мемуаристку, которая обнаруживает неукротимый нрав, бунтарство, смелость – всё то, что ещё более явственно проявится в ходе дальнейшего повествования.

Если Гортензия прямо заявляет о своей антипатии к дяде, то Мария Манчини выражает своё отношение к нему намного более сдержанно. В отличие от сестры, она делает акцент не на недостатках супруга, а на собственных достоинствах. Её авторская интенция, несмотря на сходже с описанными Гортензией перипетии судьбы, определяется прежде всего желанием подчеркнуть свой статус знатной аристократки, имеющей представления о чести, достоинстве и принятых в обществе нормах поведения. Образ кардинала отражает эту установку.

Сообщая об инициативе Мазарини по поводу переезда племянниц в Париж, Мария не без гордости пишет, что случилось это в тот момент, когда фортуна вознесла дядю «на такую ступень благополучия, которая всем известна» (ММ, р. 98). Мемуаристка рассказывает о конкретных решениях кардинала в отношении её настоящего и будущего, начиная с помещения в монастырь для изучения французского языка и заканчивая историей её влюблённости в короля. Она не позволяет себе проявить эмоции даже в тех случаях, когда явно имела на то основания. Её недовольство можно почувствовать лишь однажды, в конце третьей главы, но и здесь оно выражается в косвенной форме: «Упреки моего дяди... были столь суровыми и выражались в таких мучительных словах, что огорчение от них для любого другого человека, кроме меня, могло бы стать губительным. Но, поскольку я не принимаю вещи близко к сердцу, всё, что он мне сказал, отпечаталось в моей памяти, но без каких бы то ни было последствий» (ММ, р. 103–104).

Как видим, Мария не критикует кардинала, даже, напротив, старается смягчить впечатление о нём как о человеке жестоком за счёт смещения фокуса читательского внимания на собственные особенности. Она пытается представить Мазарини в выгодном свете и в других эпизодах, например, когда говорит об обещании дяди не выдавать её замуж против воли или об особо уважительном отношении к ней после неосуществившейся помолвки монарха с Маргаритой Савойской. Очевидную тенденциозность позиции мемуаристки усиливает тот факт, что в обоих случаях ей было прекрасно известно о лицемерном поведении кардинала.

В отличие от Гортензии, старшая сестра не была любимицей Мазарини, и в свою очередь испытывала к нему противоречивые чувства. С одной стороны, как это следует из биографических источников и отчасти её мемуаров, дядя способствовал образованию Марии, в частности привил ей интерес к государственным делам и серьезной литературе – от Сенеки до Корнелия. Для девушки, которая, оказавшись при французском дворе, «красотой не блистала» [3, с. 177] и обладала «скорее выразительными, чем благородными» [4, р. 172] чертами, умственные способности стали важным средством самоутверждения. По словам мадам де Лафайет, «умна она была необычайно» [3, с. 177]. Блеск и разносторонность её познаний прекрасно иллюстрирует следующая характеристика: «Самый важный мужчина при дворе не стал бы добровольно беседовать с этой девушкой, которая была способна смело атаковать и не боялась говорить о политике с Леоном де Сервьеном, о морали с герцогом Ларошфуко, об истории с Сент-Эвремоном, о войне с виконтом де Тюренном. Она задавала вопросы и слушала ответы, полная пылкой и наивной любознательности» [4, р. 173–174]. Мазарини обеспечил Марии, как и другим своим племянницам, достойное положение в свете, причём не только своим именем, но и возможностью наилучшим образом узнать придворные нравы.

С другой стороны, кардинал разрушил её честолюбивые планы и нанёс глубокую сердечную рану. В мемуарах Мария рассказывает о самом сильном и высоком чувстве, которое ей довелось испытать в жизни. Это любовь к французскому королю Людовику XIV. Симпатия, возникшая между нею и монархом, была взаимной и очень скоро переросла в пылкую влюблённость. Современники мемуаристки и биографы единодушны в том, что это чувство было взаимным. По словам мадам де Лафайет, племянница кардинала, казалось, пользовалась над государем «неоспоримой властью... – ни одна любовница никогда не владела сердцем своего возлюбленного столь безраздельно» [3, с. 174].

Мария приводит примеры, свидетельствующие об особом отношении к ней монарха, довольно подробно передаёт собственные переживания, но с большой осторожностью пишет о поведении кардинала. В отношении отражения реакции Мазарини гораздо откровеннее оказывается мадам де Лафайет: «Вначале кардинал не противился этой страсти. Он полагал, что она вполне соответствует его интересам. Но затем, увидев, что племянница не даёт ему отчёта о своих беседах с королём и целиком завладела его умом, он начал бояться, как бы она не приобрела чересчур большого влияния, и решил умерить этот пыл. Однако вскоре понял, что спохватился слишком поздно. Король целиком поддался своей страсти, и сопротивление, которое пытался оказать кардинал, лишь восстановило

против него племянницу, подвигнув её на разного рода враждебные действия против него» [3, с. 177]. Граф Суассонский, ссылаясь в своей биографической книге на одного из современников мемуаристки, добавляет, что она «смеялась над дядей с утра до вечера», а он в свою очередь сетовал в письме к королю на стремление племянницы господствовать, высмеивать его советы и менять приказы [4, р. 186, 194].

В мемуарах Марии нет и намёка на то сложное противоборство, которое вели племянница и кардинал. Известно, что Мазарини лелеял мечту о том, чтобы одна из его родственниц стала королевой Франции. Он не противился связи Людовика XIV с Олимпией Манчини, ухаживаниям за её сестрой Лаурой и кузинами Мартиноцци, хотел соединить его с Гортензией, но когда эта мечта приобрела реальные очертания, сделал всё, чтобы воспрепятствовать любви короля и Марии. Думается, помимо государственных интересов, требовавших брачного союза французского монарха с испанской инфантой для прекращения затяжной войны, основной причиной, заставившей Мазарини пожертвовать личными интересами, стал характер Марии Манчини. «Она отличалась смелостью, решительностью, необузданным нравом, вольнодумством – и всё это при полном отсутствии каких-либо приличий и учтивости» [3, с. 177].

Мария стремилась сделать характер короля более самостоятельным и показать ему преимущества единоличного правления. Племянница кардинала «заботилась не об интересах дяди; говорят даже, что она подрывала его влияние и рассказывала королю всё, что говорилось о королеве и Мазарини. Вполне вероятно, что кардинал, у которого повсюду были шпионы, знал, какое влияние племянница оказывает на короля во вред первому министру» [4, р. 175–176].

Мария не могла оставаться в неведении относительно того, что именно кардинал встал на её пути к французской короне, и, судя по отзывам современников, активно сопротивлялась действиям дяди. Однако она предпочитает оставить эти факты за пределами своей книги. Используя тактику умолчания, мемуаристка конструирует образ Мазарини так, чтобы избежать поводов для выражения недовольства в его адрес, поскольку позиция женщины, не прибегающей к злословию и упрёкам, облагораживает её собственный образ.

Мария старается обойти молчанием личные обиды и предпочитает занимать позицию не родственницы, а почтительной придворной. Она изображает дядю прежде всего как государственного деятеля и говорит о нём, используя возвышенный титул «Ваше преосвященство». В отличие от сухого «кардинал», фигурирующего в мемуарах её сестры, такая номинация позволяет Марии подчеркнуть своё уважительное отношение к Мазарини и соблюсти нормы этикета.

Наиболее красноречиво о её глубоком почтении свидетельствует словесная формула, сообщающая о смерти кардинала. Мемуаристка пишет, что Мазарини завершил «столь выдающийся жизненный путь смертью, которую король удостоил всех возможных знаков уважения и привязанности» (ММ, р. 117). Не касаясь своих собственных чувств и реакции семьи, весьма далекой от возвышенно-скорбных сожалений по поводу кончины Мазарини, она обращается к образу монарха, чье отношение к личности является для подданных высшим и непререкаемым критерием при определении её подлинных достоинств. Поведение Людовика XIV, таким образом, возвышает образ кардинала и делает необязательными

любые другие проявления чувств. Мария вновь строит повествование так, чтобы избежать прямого высказывания.

Сестры Манчини не стремятся дать полновесный портрет кардинала. Не прибегая к деталям внешности и характера, которые обычно присутствуют в произведениях других мемуаристов и даже оформляются в самостоятельные жанровые формы, популярные в эту эпоху, они создают образ преимущественно через изображение поступков. Гортензия в значительной степени дополняет его авторской оценкой и сосредотачивается на изображении роли дяди в своей частной жизни. В её книге образ Мазарини выглядит достоверным, но приобретает негативную окраску, так как рассматривается в свете сюжетобразующего мотива несчастливой судьбы, predetermined position племянницы кардинала. Защищаясь от обвинений, Гортензия не скрывает своих эмоций, тогда как её сестра, движимая стремлением соответствовать принятому в аристократическом обществе кодексу поведения, их постоянно сдерживает. Мария ставит на первый план общественное положение кардинала. Пропуская сквозь фильтр самоцензуры биографический материал, связанный с образом дяди, она делает его похожим на реальный, но далёким от истины. При сходстве значимости образа кардинала в мемуарах сестёр Манчини разницу в его интерпретации определяют используемые ими повествовательные приёмы и авторская интенция. В результате под пером Гортензии, любимой племянницы кардинала, его образ предстаёт неприятным и отталкивающим, тогда как в мемуарах непокорной воле дяди Марии он возвеличивается и отчасти идеализируется.

Summary

S. Yu. Pavlova. The Image of Cardinal Mazarin in the Memoirs of the Mancini Sisters.

The paper deals with the memoirs of the Mancini sisters, the nieces of Cardinal Mazarin. The image of the Cardinal is analyzed taking into account the social status of the memoirists, their intentions and aims, as well as the narrative techniques allowing us to identify similarities and differences in its interpretation by both sisters. Playing an important role in the memoirs of the sisters, the image of Mazarin acquires a negative connotation in the book of Hortense and is exalted by Marie.

Keywords: memoirs, 17th century French literature, author's intention, Marie Mancini, Hortense Mancini.

Источники

МН – *Mémoires d'Hortense Mancini // Mémoires d'Hortense et de Marie Mancini.* – Paris: Mercure de France, 1965. – P. 29–87.

ММ – *Mémoires de Marie Mancini // Mémoires d'Hortense et de Marie Mancini.* – Paris: Mercure de France, 1965. – P. 89–207.

Литература

1. *Doscot G. Introduction // Mémoires d'Hortense et de Marie Mancini.* – Paris: Mercure de France, 1965. – P. 7–28.
2. *Lesne E. La poésie des mémoires (1650–1685).* – Paris: Honoré Champion, 1996. – 477 p.

3. *Лафайет М.М. де*. История Генриетты Английской // Лафайет М.М. де. Сочинения. – М.: Ладомир: Наука, 2007. – С. 169–214.
4. *The Count de Soissons. The Seven Richest Heiresses of France*. – London: J. Long, 1911. – 322 p.

Поступила в редакцию
13.12.12

Павлова Светлана Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы и журналистики, Национальный исследовательский Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия.

E-mail: pavlovasy@info.sgu.ru